

АННА ГЛАЗОВА

ПЕТЛЯ. НЕВПОЛОВИНУ.

на правах рукописи

*полный текст книги с предисловием Артёма Магуна
вышел в издательстве НЛЮ
в серии ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ 2008*

красная лиса
отвернулась
отражает спиной лесной
гул
её хвост словно столп шерстяной
заглушить трубу,
и звук не пройдёт,
не как шомпол сквозь ствол
не как штык через пень.

лиса, отвернулась, лицом
к лосиной избушке,
слышит звук из подземных
ручьёв,
где под снегом ещё
точит след свой подснежник,
над плечом у лисы две синицы,

и стелится след,
как по нотам снегирь снегиря
учит тропами
к церкви святых,
разноцветные камни,
у плетня за кладбищем

белый и серый песок, и слепая
как глина лежит
весна за спиной,
где как бешеный пёс
воет от срама зима,

и глаз её
подведён темнотой ночи,
лиса в поле,
и твой карий глаз
за строкой
за строкой.

I. СОЛЬ, ПЕПЕЛ.

[Солнце сгущается из пыли, ветра, рассеянности. Соберись. Пепел
дерева, слегка влажный, соль в стакане из-под минеральной воды –
всё, что у тебя есть – уже вьётся.]

***

пепел праха
есть ли пепел у праха?
раскалённая добела пыль
руки обжечь
(это как целовать
на морозе железный ствол)

в урне
костёр из сосулёк
листья ест лёд
оплывают края,
буквы – воск

под твоими огнями
не равнина, дыра
в дыре гроб
в гробу дыра
в дыре прорезь
воздух выколот (глаз)

смотри
смотри на нас
смотри не увидишь стекло
тело (не труп) сквозь

***

что-то такое
где-то лежит –
что и не скажешь – и, кажется, тлеет.

а начнёшь говорить: замёрзнешь.
продолжишь: нет одеяла.
так и покончишь в сердцах,
плюнешь в гнилушку.

***

у книг пролежни
полки стоят на полу
стул покачивается
положу или спинку долой

кто старое запомнит
тот молодой
стрелки в часах не бейте
мой нержавеющий кожух

что, сколько времени, столько?
стол проломился в лице
что-то не терпится, братья
известью вытравим дно

***

нашло лезвие на остриё
масло на ножны
воздух упал в пропасть
и она его ест

крутится по дому
местное из мест
ветер точит лопасть
о свою же кожу

свет разгребаешь как каштаны в огне
и тень со стеклом сливается в шатком окне

***

стоит на перекрёстке,
не шевельнётся,
сколько ему ни моргай.

в воздухе носится
красная обёртка,
и ворота красны.

не обернёшься, не скажешь – давай,
это не остановка.
проезжает трамвай.
не шелохнётся.

***

разрезал страницы и заклеил разрез,
не сместив ни строки.
съел окурок, не свой,
трижды плюнул в открытые двери.
попрощался.
сказал, но вернулся,
не сказал, но
просил передать: ничего,
думал, будет,
как новая.

***

нет, стой, не так.
ну что ты, что ты встал на мели,
что ты думаешь, я не вижу?

не смотри, отойди.
вообрази себе что попроще.
знаешь, такое – нива, пашня, сопка.
или в горле застряло?

отнимаешь руки от живота, тянешь ко рту.
вот, полюбуйся, голубая вода,
голубая вода,
чёрный парус и красная метка.

***

свет от лампы не падает в руку,
в книге стынет лицо.
оно срезано волосом
как секунда
отрезает от времени ноль.

в этой книге нельзя не прочесть
не о чём-то пути вокруг лампы.
вместо лампы и солнца
там вращается глаз.
он читает руками следы после света.

***

застигнут светом случайный подъём.
под откос отрывается чёрный комок,
из которого тень растрепалась в траву.

из-под ног выползает глазное дно,
и я помню как вдруг обрывается ветка,
на которой сидит тополиная мышь.

нет, это только глаз сына
в коридоре и ночью без сна.
глаз, который я помню на слух.

***

из головы выходят
разные мысли
и встают на голову, пядь в пядь

ровное облако светится
там, где зазор в небе;

из него падает:
шерсть, перо, соль,
пепел, селитра.

(21.11.2004)

*

и звёзды потянутся до земли баобабами
озёра секвойями
форма хлорофилла
легче пробки
марево угольной стены,
хинина
хны

*

лаковая поверхность
узкая как палочка лодка
двумя палочками беру твой глаз
гондолы из гинкго
и чёрные звёзды внутрь воды

*

бруски, вёсла,
обратившись в тебе, уключина,
лопастями в горячем,
в сливках на срубе,
кремация

(15.8.2000)

]

***

и ложатся на кожу
белые ромбы и многоугольные звёзды
и по талым следам на руках и на тёмной воде
как число неизвестных искать
без уравнения
искать уравнения
в снегу
на лице

чем
белее подъём
тем темнее воздушное поле,
и качаются дни
против веток клубящихся
шапок
против точки опоры,

сквозь воздушное поле
проходит
один неизвестный.
одна. и одно.

и через след на воде
виден холод и тёмное небо.

чем число снежных граней,
тем глубже,
надёжней, тем ближе
к коже свой ближний,
ворсистый
выдох и

протяжённее вдох.

II. ЧЕРЕЗ ЧЕРЕЗ

[Нет ничего, кроме пути. И себя, откуда меряешь путь. Уходишь в себя, выходишь из себя. Приходишь. И ещё "берёшь с собой", нести, ноша, твоя рука. Чья? Невыносимое – рука, слух и слово. Ты слышишь.]

ПЕТЛЯ. 1. LOOP.

Этот город – математическая, а также литературная, вариация на тему эллипса. Математическая: большой радиус переходит в малый. Там, где переходит, нужно перейти через мост, и сразу будет заштатность, т.е. другой штат и захолустье.

Захолустье – это дюны, там штат Индиана, потому мост разделяющий зовётся *calumet*, трубка мира. Когда мост разводят, получается дружба врозь.

Мост над каналом, канал из озера. Из озера выползла суша, ветер и дюны самозародились.

То, что самозарождается, жужжит. Ветер и вода шумят. *Lake effect* – новоприбывших пугают озёрным эффектом. Шум. Зимой, бывает, озеро ощеривается драконьей чешуёй. Льдинки, в приближении круглые, в приближении прозрачные, скапливаются у берега, встают дыбом, как у ящера, причёсанного против шерсти, страшная драконья погремушка.

В Техническом Музее, который расположен на берегу озера, установлена геометрическая модель звукового эллиптического эффекта. Это такая ледяная, то есть, стеклянная комната, эллиптическая в плане, а в каждом из двух фокусов стоит человек и говорит другому человеку. Между фокусами метров двадцать. Человек говорит шёпотом, а другой его слышит, потому что такова природа эллипса: пропускать. Если, конечно, нащупать, т.е. ухом нащупать, фокус. Расстояние пропущено. Пропущено то, что подразумевается. Шёпот рассеивается, но без потерь фокусируется. Путь ничего не добавляет, не убавляет.

Путём можно пренебречь.

Плоская кривая, очень плоская, довольно вялая кривая. И привыкаешь: уши заполнены озёрным эффектом, трюеточие в уме, едешь. Едешь тут вечно, холодно, или жарко, и катишься без всякого расстояния. Потому что фокусы разнесены на двадцать

миль: два университета, Чикагский и Северозападный почему-то, две библиотеки как два столба. Посередине река имени города отмечает максимум большого радиуса. Летом в этом месте через реку устраивают тавтологический мост.

Тавтологический: на одном берегу берут воду и мощной струёй перебрасывают на другой берег. Река перечёркивает собой себя же. Нет, скорее хиазм. Река соединяет собственные берега.

Конечно, от реки идёт отсчёт в обе стороны. Координата. Чертежник всё же завещал поселенцам пару чертежей попоше.

Едешь в вагоне, медленно, ради пропуска. Чтобы слушать в одном фокусе, что скажут в другом. В университетской библиотеке Чикагского, в двойных, нет – тройных дверях на входе случайно зародилась эолова арфа, мелодический сквозняк, он бывает тоном повыше, когда ветер сильнее, и тоном пониже, когда слабее. Но всегда. Даже кондиционер летом не перебивает звуков арфы, слушает. Слушатели слушают.

И вот, набив уши до отказа озёрным эффектом, едешь в Северозпадный их опустошать. В библиотеке под моим именем значатся два человека. Одного зовут, и другого зовут. Один с забитыми ушами, а другой – с опустошёнными. Кому выдавать книжки? Тому, которого зовут или которому зовут? Пропуск накаляется, вот-вот лопнет, как мембрана, от звукового эффекта. Чувствуешь пропуск между собой и собой, подразумеваешь.

Сегодня на озере валялсядохлый скунс, вонял скунсом, не трупом.

На озере ночью стояло дерево, не шевелило ни веткой, из-под шороха раздираемой чешуи. Ветки были седые на фоне бурого неба. Отчётливо пахло серой. Другие деревья трепал ветер.

Другое дерево не осыпало на зиму листья, они замёрзли, были бурые, и шуршали друг об друга, стеклянная нота. Третье дерево

(*гинкго*) подразумевается. На ветке лежит снег, рядом со снегом сидит зелёный попугай. А на дюнах под снегом спят кактусы.

Пропустим.

Ещё чудеса ветра: нет ни мельниц, ни ветряков. Почему? Разметало в клочья, так теперь и катаются. Кто-то в Техасе спрашивает, откуда туда прикатилось перекасти-поле, емужимают плечами – из Чикаго. А может, скроют ответ.

Если ты оказался не в фокусе, ты – пропуск в двойном, в тройном отрицании, кавычки. Прибавишь, убавишь. Будешь кататься, пока не сорвёт с очень плоской, довольно вялой кривой и не уронит подальше от центра.

***

ветер, ветер!
из веков
из-под немоты
исподволь – нет, просто через через

на черенке
не совсем отрываясь
не отрываясь смотреть
не пусти и не не отпусти

через черешни
пашни
потому что так поздно
позже чем белые ночи и чёрные дни

там и встретимся.
в шелесте ветра услышим
кожа о кожу воздушных
камней разговор.

***

стоя хочется лечь, сидя – уснуть.
но я знаю, что место, где ты стоишь,
не игла для столпившихся ангелов
и не хобот, сосущий нектар.

стоя хочется лечь, сидя – уснуть.
я держу твою руку и место, где ты стоишь,
поднимает тебя над собой на секундную долю,
чтобы он не увидел: стоять – это значит лететь.

сидя хочется лечь, лёжа – упасть.
через пальцы дышать временем после конца.

***

тронуты
солнцем
размытые леденцы,
входит в горло
колкий голос.

и шероховатый подол тонкого ила
теребит волна,
как дитя холку
спящего зверя.

в воздухе тянется
гулкое дно,
разноцветная флейта,
где, оступаясь,
чайка
подходит по льдине к воде.

в светлое небо восходит
ступенями
влажная песня,
открыты как голос
над мелкой волной не воды,
а песка,

тронуты чёрстым
морозом как шёлк
поющие губы
и тёмно-
еловая лапа.

***

через пароход
через дом
по ступеням
умирать – легко? не искала такого дохода.
обнимала
свою руку из ладони пила –
напивалась. снега не трогала, хоть и пальцы чернели сквозь дым.

через прорези близко смотрела окно, на луну.
в ней лежало усталое облако, кто заметит, что пространство не то.
выть хотелось, но зарастала руками
то неместо где трава не расти.
не успеть умереть,
для себя отвести под пустыней воронку, а потом не взорваться.

в ней кипевшее море спускалось на дно.
и в оставшемся солнце успевало родиться лицо, открывались глаза.
закрывались.
и руками считала монеты, не ты, ты, другая. что ты видела?

что я видела? сине-зелёный густой виноград.
как луна освещала вдруг камни, ступени.
как по ним оползало сырое из бочек и дней.
и пока наливали, уже от воды отравилась.
может быть, через день или два или камень и ночь
уже не захочу.
через пар мне будет темнеть, наконец, луноход.

***

ближе чем кожа и шов и
глубже чем воздух и
дерево наоборот
притворяется зверем
белая ткань неподвижной волны

ты опускаешься медленно – гордая стала, была –
на колени
там, кверху почвой на голых корнях,
твой сандаловый куст прорастает сквозь небо.
там шагает твой медленный куст.
там с тарелки губами ем выдох, просвет и лимон.

там же и лягу.
и пусть одеялом
будет вязкое время, кривая земля.
пусть прорастает в меня через кожу и шов через воздух
тварь безработная: пасть ей свяжу и заставлю пасться.

***

через тебя
говори мне. выбитый в камне

пушистый ворс,
на краю каждой нежной петли
зеваешь в ушко
пуговицу, иглу.

петли как глазного лучи
иероглифы-пальцы.

.

даже выбитый камень
на крыльях слетит с голубятни, и в пух,

если шёлковый валик
вбитой в ночь круглой горлице
встанет ломаный грош поперёк уха.

***

семь футов под ветром.

в алмазной клетке треск сфер,
стирающих из себя папиросную сетку сухих наковален
и покрытых сухими губами их целующих молотков.
к каждой педали привешен полевой колокольчик –

тишина. звон пыльцы.

из зелёных ветвей, из стеклянных волокон
заплести между носом и выхлопом тихий орган,
золотистое лёгкое сопло дышащей машины.

пить из рук перемешанный с пеплом горячий исток.
дуть на веки бесшумное имя.

***

на сквозняке
на чердаке
с пыльной свечой в голове
путь к колодцу
к трубе

а в подвале за тёмной решёткой в три ряда
машинальные карлы стирают бельё
чёрные простыни пятна густые
в тяжкий стучат барабан

и темнеет
слуховое окно
в мой подзорный зрачок –
пусть не вижу
не слышу
никому не скажу –
мой сосуд, телескоп с зеркалами,
вам покажет пришельцев с земли

***

разлетаешься:
сивые ветры зимуют
в некогда тёплом хлеву.
соловьиные свиньи говорят тебе: сгинь ты, отравя!
человечину есть мы не станем, мы лучше умрём.

сдует ветрами синее небо. это свиньи наелись гороха.
знаешь: я знаю. синее небо лежало на дне.
мы его целовали, мы ждали в канаве.
мы, как свиньи, катались в холодной траве.
их живот тяжелел, а под нами лежала трава.

так когда-то жужжала зелёная муха во мне, в голове.
я читала ту книжку, в которой не сказано это.
не читал, не звенело, но в белое эхо
встал балконный карниз, и не скошено ухо моё
белым волосом, власом безродным, хруп копыт без ответа.

в клюв синевший впивалась извилина мозга.
только крови не надо! прошу тебя, будем вода и вода.
разделили на двое, на двоих разделили пустое.
будем пить словно резать, как режут меня.
кони ржут. это мыши. не бойся, родная,
это, милый, рыдает тот ветер в моей темноте.
будем петь, завывая, и плакать ночами, дитя, утопившись,
будем дева, пускаясь
в голодный вертеп.

свиньи на голове.
молчаливые, добрые руки. так ты резал хребет мой,
искал свой хребет, ты надолго уснул, канув в сердце, как канут
руины
в хрустящие звуки
в день последнего ржания паршивой свиньи.

это громкое слово сказал я навеки.
я сказала, навеки: а слову не верить нельзя.
мы разрезали веки суровому финскому сфинксу,
и в заливе стояла, залившись испанским, парша.

смежим! не говори мне о звуке! не слышу!
о густая, червонная желчь,
я устал.
я тебя долго ждал. у стены, прислоняясь, уснула,
я смертельно устал, испражняясь на голые спины камней, -
и на ней.

***

в темноте перегона
на червивой доске
картами мира
играли
два любителя ехать.

в их ладони
лежала, с надломом,
фуражка,
проводник искал стрелку,
рельс и костыль,
непокрытый король.

меж вагонов, вслепую,
на чёрном колене,
гадальной колодой
из штанины вокзальной воровки,
на провод, на холод
и на дырку в кармане воровки.

***

в остановимое –
потечёт и вытечет
оледенеет дрогнет и пар –
если встанешь, упрямо упёршись, и опустишь горячую руку,
только потянется след от тебя
пока не останется следа.

удержать руки. вдохнуть отпечаток с ладони.
и стереть себя за собой.

***

отпечатан в волне
вьётся льдин
водоворот.
на песке разомкнуты верфи.
в дважды сотканном небе
рассеянный свет
в снежном небе затерян.

и в волне переломлен ледовый
смешан с мутью
стук
деревянного эха:

ты строгаешь заостренным ухом
еловую плоть, ты наискось режешь
смолу
и в темнеющий срез – так год отвердел –
ты кладёшь
ствол.

кормчий, свет седой, тёмные кудри.
и не ель уже, киль,
и ты, полоса, расходящийся угол,
тяга неба на дно,
в пыль рассыпанный воздух сухой, ты,
камень,
ты, растущий корабль,
ты, о мой черенок мелкой соли на чистом песке –

ты, еловая чаща,
теперь разверни мою воду
от пены за ёмкой кормой в дождь над просекой.

***

свет упал.
ударился оземь, стал светом.

из него выскочила,
как от страха,
и стопа велика, только воздуха мало,
шагами, межой, остановками,
мимо горы черепах,
за гнев ахиллеса панцирь крушащих –

и тут ударилась
о свет.

сердце выскочило, по тропе, за стрелку,
указует:
"смотри, свет, растрепалось на мне и во мне".
и держит шею бегунья,
откуда вырвался растрёпанный шар – глаза пусты,
добежала –

стой, истукан,
без тебя покачусь
мерить впадины и высоты.

ПЕТЛЯ. 2. LOOP.

Ночью, сложно сказать, в два часа или в три – как раз часы перевели – за окном снова выл ветер, швыряло голые ветки в стекло, вопила сирена. Но сирену перекрикивало: кроме меня, ветками расшвыряло в постели кардинала. У кардиналов строгая дихотомия – либо серые, либо красные. Судя по звуку, это был красный. Орал с частотой пульса, не хотел уснуть.

Пришлось встать, включить свет, обнаружить перевод времени.

Выпитое на ночь вино стало кошмаром: трейлер, в который зашла выпить бутылку пива, потому что это был паб; какая-то тётка, словно отцветшая пожирательница шпаг и прочей натуральной пищи, била в бубен, платье шёлковое, волосы седые по плечам; очевидный сутенёр; неочевидный гермафродит; другие любители пива; музыка; темно. Ну, думаю, Нью-Эйдж как Нью-Эйдж, в нищем варианте. Сижу, причащаюсь пивом с окружающими. Но как-то они обступать начали. И бубен ради меня шаманически стучать стал, и сутенёр придвинулся, и гермафродит чуть не показал того, из чего мы все так или иначе вышли. Они совсем уже вплотную – нож к горлу – вступай в нашу секту. И тут я встаю и говорю им, по-английски:

Не думаю, простите. Точность интеллекта и холодный расчёт предпочтительней ваших соблазнов, и уже очень скоро я снова займусь диссертацией всерьёз.

На том и проснулась, ветки швыряло в стекло, вопила сирена и т.д. Этот самый "холодный интеллект" у меня до сих пор фигурное катание, произвольную программу в голове выделяет. Как вот так не своим голосом заговоришь вдруг? Никогда не узнаешь, какая болтовня зашумит в голове среди ночи.

Это – моя сезонная линька, мой змеиный выползень.

Я смутно помню гениталии родителей, извне, не изнутри.

Виденное, не виденное? Мало ли, какого мусора в памяти не скопилось. Я помню, мамина задница казалась неприлично широкой, точно не задница, а таз. Медница, поляки говорят. В тазу плавает замоченное зелёное бельё с дыркой. Деревянные прищепки мокнув в луже. На латуни оседает, как это, медянка? Покрыться этим означает постареть.

И пойти спать.

*

А потом они говорят.

Обсуждают разницу скорости африканской и европейской ласточки и сомневаются, ласточка ли здешний стриж. Возможно, ласточка, но не африканская, потому что африканская, в отличие, не боится стрекоз.

Спрашивают: ну, как? Ну, ничего, говоришь, держусь в тепле, и вам того же. Да, говорят, зима, как же, мы знаем. Февраль, говорят, сегодня, ещё пара месяцев, и уже будет. Ну, говорю, это вы точно. А ещё, говорю, полнолуние, да, високосное в этот раз. И конфликты с выборами. Точно, говорят, конфликты, ой, эх, уф. А ещё выиграли на поле. О, удивляюсь, да? С ума сойти, надо же – выиграли. А проиграли? Жмут плечами – ну чего, проиграли, тоже, конечно. Ну, в следующий раз, говорю. Потом чихнул кто-то. Того благословили, он душу придержал, "спасибо".

Потом девушка пришла, в дверь поскреблась и ногу в проём засовывает. Заходите, говорю, заходите, не стесняйтесь. Ростом большая. Говорит, что имеет три вопроса Я спрашиваю, вы Джойс, или Мирэкл? Не, говорит, я – Александра. А, Александра? (А думаю – имя, пыль и прах. И имя, огонь и пламя.) И чем могу помочь? А вот, говорит, можно, я книжку прочту, и от стыда – в краску. Книжку, а что же. Хорошо. Ободряю. Смотрит, словно заискивает. Только Александра эта на две головы меня выше, и штаны шелестящие, спортсменка – мне не дотянуться. Ушла. За

книжкой. Счастливая, как африканская ласточка, когда несёт кокос за плодоножку. Потом ещё пришла Джойс с азиатскими плодоножками, говорила, неостановимо. Очень, говорю, очень, очень, очень интересно, как вы это рассказываете, Джойс. Вслед за ней – Мирэкл, а оказалось – парень. Можно, говорит, я буду сравнительный анализ креолов с евреями делать. Чудо, действительно. Одним больше, одним меньше. В остатке ноль.

Потом ещё ходили, смеялись, коверкали немецкий, *торт меня побери*, предлагали торт и обветренные фрукты, болтали перед глазами термосом с бурой жидкостью. Где-то я это сегодня уже видела, слышала. Машины мнемотехники, про которую лекция вчера. А потом – о! – среди древесностружечной плиты появился паук, бледный, но бежал.

Потом дверью хлопнули, я даже знаю, кто.

Телефон не звонил.

Алё, говорю, алё? Не слышно. Никто не звонил. Да и откуда бы. А вдруг кто-нибудь слушал, как я тут с длинным гудком разговариваю? Например, сосед снизу, на гитаре. Всё равно не услышит. Приходит, только когда с потолка вода течёт. Спрашивает, ты окей, сестра, в порядке? Как будто не дождётся, когда я фен в ванну уроню, а ему картину завещаю, *Situation of America, 1848*, масло по дереву, неизвестный художник, Новая Англия, 1848. А в это время в Средней Европе... происходило то, за сочинения о чём Александра и Джойс получают отметку, а я запишу в грамотку. А Мирэкл не получит, потому что завтра же вычеркнет курс из своего расписания. Танцы африканских ласточек по мякоти разбитого кокоса. Растёкшееся птичье молоко.

На бутылке – олень с неприлично маленькой головкой, толстое дно стакана – центр притяжения. Гравитации. С гравитацией. О гравитации. Потом проваливаешься, проваливаешься, сквозь страшную эту башку, в которой гудит озеро, метро, attention,

passengers и уважаемые пассажиры, может быть, завтра мне будет письмо, которое уже сегодня, которое сейчас обрубится, и потом,

*

Вот оно, здравствуй, золотисто-игристое, на другой день. Похмелье. А теперь возьму и скажу: я – залётный конь на заливке дракона. Так устроена ориентальная логика, мне кажется: по индукции. Шапка – заломлена у всадника, всадник – надломлен на гриве коня, конь беременный – на заливке дракона. А дальше – по аналогии – ещё кто-то надорванный, шайтан от смеха? Доказательство по индукции не свойственно стране заката, здесь исключительно (подходящее слово) – от противного. От противного встаёшь в светлый день. От противного приходится бегать: от себя, долой по вечному возвращению ленты тренажёра. По противному кольцу. Пот, токсины, всё такое. Звуки Вагнера. Эта осада сегодня перешла в наступление (или просто великое перемещение с Востока на Запад?) и давит кольцом. Не будем говорить, соблюдем логику от противного. Когда рассматриваешь близко свою плоть, противно. Та же апофатика? А они говорят: мы преодолели неоплатоников. Как будто речь идёт об идеологии. Как будто так вот взял – раз! – преодолел. Не понимаю тебя, говорит он мне зачастую.

А что тут понимать. У неё ребёнок родился. А раньше она питалась коньяком с лимонами и небрежно одевалась. Носила летом свитера, закрывая годовые кольца, венчавшие руки. Красавица – производная по девушке, сказал один охочий. Но ведь была же, и до сих пор – по сию пору – свербит иногда где-то. В области кольца. Ребёнок уродливый получился, но он маленький пока. Говорит, счастлива. А что? От противного же. И бежишь следующую милю, только колени подгибаются. Кто-то слышит хруст мениска, когда я там.

И сочиняешь письмо, надеешься, что поймут без слов. Надежда есть: потому что понимать, по сути, нечего. Мне кажется, ты

знаешь, что такое упадок, тебе не надо объяснять, даже и в любом случае, ведь не объяснишь же. Хотя нет: я видела недавно одного, в сединах и перхоти, пытался научить позитивной мудрости. Стоит ли говорить, что всё провалилось в квадратную черноту. Но он-то, мудрец-то, ничего не видел, стоял, крепко опершись на разжиревший крестец, если это подвержено ожирению. То ли по индукции, то ли от противоположного. И как это всё возвращается. Как призрак, который возвращается погромыхать костью таза.

А я. Я не хочу тебя видеть. Я вообще не хочу видеть. Да я и не вижу: я пишу, словами, кажется, понятное – видеть, как видит масло, сплюснутое с двух сторон субстратами вещества, т.е. ни шайтана. Нет, не душа, просто масло. Я не знаю, помнишь ли ты, что та станция метро, где я купила тебе проезд, где на нас показали пальцем, там, под колонной – что то был Арбат? Я вот почти не помню. А ты, ты – ты другой ты, ты помнишь, что та станция метро, где ты не повернулся, это, кажется, была Фридрихштрассе, Чайна-таун, Таганская? Там есть туалет, в туалете – очко, не кольцо. Там было темно, не воняло, летал дракон, семь голов, каждая в три рыла, в общей сложности – двадцать один глаз. И ты не повернулся. У тебя на затылке вилось серебро, тоже. Я помню число, цифры, считала дни до, потом – после. Шайтан на позорном стуле делал копытцем.

Коза кормила детей копытцем, я помню, мне казалось, что так надо. Поэтому когда у серебряного копытца вылетали денежки оттуда же, это не удивляло. Молочные реки, денежкины берега.

А чего тут стесняться. Один сказал, у меня все шансы заполучить туза. А с ними – тройку, семерку знаков, т.е. порядков. Господи – хромота громыхает, эхо в колодце позвякивает.

Девушка со штангой, смотрит пристально. Тоже русская, может быть? Интересно, что чувствуют чикагцы, пробежавшие марафон. Что скрепили зыбучие пески Иллинойса потом и кровью чела своего, кровь во почву. А если они откуда-нибудь? Что преодолели.

Скрипит колено несмазанное, заменить на железное. Заржавеешь и растаешь в растворе машинного масла.

Лента под ногой возвращается. Куда я бегу? Вдаль, как окружность – в горизонт. Надо забыть о позитивном времени. Начать молиться: отпусти меня, господи, из вечного золотого кольца твоего без страха и упрёка. Там я буду ходить – и есть ли она, возможность повторения?

И есть ли в повторении вопрос?

III. НЕПРАВО

[Деревья в безветрии окаменели от страха и трепета, что их вершины касаются неба, которое сейчас – твёрдая лазурь, а вдруг – порвётся и выльется.]

***

идти это
слева направо и наоборот
и в середине
если думать что падать
можно вверх
встал с кровати
и вышел на воздух.
там прошёл по бумажной траве.
там, где нечем дышать,
не удержишь и чашки в руке – где нет веса.
вспомнить тяжесть чтобы попасть
слева в воздух рукой, справа
мимо прямой

***

Нике Скандиаке

крепость или башня?
всякая анна знает этот вопрос
крепость, чем выше восходит лёгкое
башня, чем крепче раздвинута кость

крепость и башня. всякая
лёгкая новость находит свой вес.
кругом идёт голова восхождение
в башню хоть камень на ощупь желе.

знаешь, а может у нас что-то среднее
камнем отвесным как головой
мерять углы и лететь расстояние
башню и крепость оплыть в основание
и по верёвке спокойно утечь.

***

и в этом голубином зрелище,
ты так думаешь, будет нам место?
кто уступит? кто со временем
стали призраком общего места.
те, чей призрак, весь на один,
перестал появляться, стал призрак.

и чего не приснится под этим-то сирым небом.
между делом и неделом: слушаю. да.
ты, опивки синего моря в пластмассовой раковине,
говори мне. шёпот пены на пиве.

не сошлют и на море.
и туда теперь можно ведь дозвониться.
пить, пить, солёной воды из-под крана,
как мак и как память, замолчи меня,
Тихон, "не могу говорить", повторял ты,
не могу говорить.

***

взять лекало и крыть
топкую голубятню, волчарню,
отпечатками голубей,
где у зверей
твёрдая пища, и не поломать голубых зубов
плотную черепицей
как чаща,
вяленой рыбой и торсом,

и собрать, собрать черенки,
в лысую шкуру
и щебень,
щебень и
черенки расколовшейся тверди,
разошедшейся, расколовшейся хляби.

взять лекало и крыть.

***

в голове птицы
запертый образ
недоступней чем пить
красную пыль марсианских ключей.

там, где земля – шар, океан – блюдо,
долго висит луч, немой обруч огней.

обручи меня весом,
через листья и платья и голоса
обращать дугой сердце.

***

из наклонных бокалов
на весы лили вино
воду из родника под землёй
снег сдувало ветром с вершины.
не давали кристаллам трогать их воду,
не разжигали огня.
кто пил с чаши весов? двое, мёртвые или никто?
тихо чаши качаются
переливая жидкий свет друг в друга.

***

мы так изогнули стену,
что все двери – снаружи,
а море – внутри,
и все реки текут по красным коврам,
по которым, как правда, идут корабельной ступнёй.

все узоры – цветы,
если видеть сквозь стебель.
мы так изогнули прозрачное море,
что внутри – только ночь,
чтобы и в темноте, и при свете неоновой лампы
видеть воздух и свет.

***

верить как мачта в порту
зыбкому морю песка.
красной плазмой стыд небесам
расплавляет песок
и стекло как река течёт к морю.

сколько воздуха в лёгких,
выдыхаю песочный пузырь
и часы мне считают минуты.
не клади в них заклятий злым горожанам
и стеклянных бусин не выдавшим букв дикарям.
мне не нужен песок чтобы знать твои пальцы и время.

***

розовое горло, оранжевый шарф
на рассвете
пели на меня
сдвоенными голосами

двигалась челюсть: одно дно дно
а днём
сквозь облако вытиснут
– который час? - диск

чешется
под шарфом
человек, который? на рассвете
сброшенной кожей
и пел не в себе расчленённой на слоги сложенной половиной

огласили
двенадцать согласных
и –о? а! – присяжные судят
о не говорящем, глаза долу, пучок на жёстком затылке

на закате
из каждой гибкой челюсти выдоили вокал.
розовая глотка, оранжевый шланг, в нём – вода.
что может сделать змея, когда она чешется?
попросить руки. милосердия.

зато жив;
я, подписавшийся ниже, говорю вердикт:
не говорившему дать говорить не по нотам.

***

чем бросать в воду?
глупо камнями, трудно руками,
можно живьём, но тянет ладони,
в лодке, вёслами, плыть, чтобы след по воде, это клин,
журавлин,
как колодец в сердце забили.

и оно бьётся.
чем-то стеклянным, в часовом магазине
ходит, стоит на витрине,
не перед витриной,
проступает вода в камне.

тем бросать в воду.
камнем. пусть бьётся в осколки, камни, вода,
будешь знать, как не будет:
одностопо весло
и круги по воде.

***

течёт и бьётся. а ты не трогаешься с места:
это не потому, что придавило стеклом,
или волоком, или затем, чтобы стать.

течёт и бьётся по стеклу, потому –
не вставай. из тебя будет слива.
дорого платишь за сон.

в три гребка от кромки
сквозь много людей,
оранжевый парус. ты такого не видел нигде?

и лоскут окунулся: руку от солнца поднять, посмотреть,
но тебя удавило проплытое тело –
это якорь ушёл.

***

"из дверей в двери попадать всё сложнее" –
ты не помнишь, в какую.
над ступенькой свернуть, повернуть, и не сбиться,
и не дрогнуть, как стрелка часов:
в направлении.

ты не можешь сказать лево правой рукой,
ты не можешь неправо.
воздух черчен прямой правотой,
но на вдохе сгущается слева,
а на выдохе прост.

***

как неправильная коса
как ось
через право и лево
прямая

на скале
на отвесе
не двойник
мой обратный близнец

как твой правый глаз непохож на мой левый
печать на эмали
ложится в резьбу
по лазурному камню
тяжелее чем камень и легче чем нить

дважды – тяжёлый и лёгкий – в корзине
полной круглых голов хризантем.
тот не сделан топор что найдёт шею шара.

***

сколько узлов завязать на платке утекает беспмятство речек?

в малой корзине похоронили клубок не найдя мёртвой птицы.
у хозяина ленты подвязки украли шнурок.

деревянный глухой камертон подложили хозяйке
к связке ножей.

сколько чужих приключений и складка.

чёрные ткани и узел в плече ключ

к ладони: не чтобы открыть или взломать, а сравнить
с камертоном.

и четыре зубца содрогнулись на вилке

будто робко вздохнул человек малопалой рукой.

ты опускаешь мне в шелест лицо и смеётся бумага

штора

за ширмой

портьеры

до двери

со створкой за

ровным чулком

длинный список

***

придѣт и поднимет
разбитую в камне
китайскую грамоту
и повесит на воздух
распрями-трава

*

не придѣт. не поднимет.

IV. ВОЗ-/ ВРА-/ СИЛОЙ

[Этна, ученица Эмпедокла, разделила его туфли в смерти.]

***

Светлане К.

в пещерке от греческого
ореха, в туфлях
эмпедокла, без зеркала, или с зеркалом, но в темноте.

без рогов он спускается
и никак не может спуститься,
перед сизифом всё ускоряет лавина,
виноградных улиток гроздь живёт на зубах у тантала.

как отхлынуло чёрное, синее море,
и пустыня вся ссыпалась в малое тело солонки.
спи вокруг меня, шёлковый холм и розовеющий лес.
спи; как вязальщица шелкопряда с овцой,
буду ставить насечки о бледном румянце.

***

прошла женщина на каблуках.
где-то окно хлопнуло.
мы запустили машину,
и теперь ждём, пока моют балкон.
здравствуй, говорю, о голова о колено!
бревно красного дерева тебе вместо стола.

мебель чёрная, стены белые, женщина.
женщина в цветах.

опускаем голову, потому что давно знакомы.
третья бутылка пошла.
она говорит: ну, привет, что ли.
нет, не та, что на каблуках и в цветах,
а та, на бревно опёрлась
и на локоть поглядывает, как на часы.

вяло листаю, делаю вид – безразлично.
если что, сразу бегом.

думаю: не позвать ли, спросить ли,
сказать, как ты? уже выпалась?
как не ложилась? но нет: как-то странно.
думаешь: к вечеру без меня обмолотят так,
что и костей не собрать. плёнки, пустые бумажки.

ладно.
до завтра целое время.
полночь ещё впереди.
стул себе на голову поставишь,
поправишь банку с цветами, в конце концов, родственники.
шутку поймут.
вяжут крючком, вышивают, растенья высаживают.
ножиком сбивают верхушку с яйца поутру.

вытерла полотенцем лицо, чуть не плачет.
и зачем это было? ну, говорю, поиграем?
а она опять.

стены чёрные, женщина белая, завернулась, спит.
туфли в углу, наказаны.
смотрят сны про то, как они сломаны.
ну а ты? сижу, жду. чиню.
наутро проснулись, как и не было.
пыль под кроватью катается, красно солнышко.
говорит, убить тебя мало. а мне что –
было бы чёрное, белое, красное, чёт-нечет.

***

место мерить койками,
время – ресницами,
в старой больнице лежать на полу,
занимаясь любовью с гипсом, шиной, медсестрой и медбратом.

знаешь, какая там синяя краска? ты видел?

я не буду звонить на твой телефон,
ты же спросишь, что я сломала.
что сломала, то и сломала.
словно треск в твоём голосе, не звонок, флюгера.

флюгера, флюгера. вам замотаны плечи,
вам привешены гири, молчи на ветру.
спят и брат, и сестра, я в окно,
чтобы вымерить шагом, где свет не пройдёт.

***

молча стоишь у стены, у окна,
у постели, собравшись, ты в руках держишь
белую книгу простую,
в двух стаканах плещется спирт.

ты прощаешься молча, опустив в стакан палец, мой или свой,
только
вскрытый страницей. капля свернулась, чернеет, не спирт.

ты стоишь у стены, ты чёрная книга,
тянешь нитку из белой постели, завиток из бумаги.
ты в руках держишь кровь, и не больно обрезать краем.

из вина не получится белого пальца и чёрной постели.
завитками ложится на красную пену в стакане
не какое-то мутное время, а свёрток простой из бумаги.
и как кожа поёжилась книга от спирта.

у стены молча молча стоять у окна у стены.

***

даже если в окно постучат,
не ходи в эту дверь.
там за дверью ещё неизвестно какая –
может мерка
а может прямая

на решётке разложены нож и поднос.
нам приносят воды "если хочешь напиток" пугают.
хлеб на воздух как пальцев просвет, хорошо.
красных век горизонт с частоколом.

даже если на кол не нацеплен горшок из-под каши горячей,
даже если огонь разведён уже под вертелом,
даже если на белую скатерть хозяйски поставлена
голова и щипцы (сахарная голова),
если в хлебное тело
втёрта соль
(и разъело),

всё равно не ходи эту дверь открывать, не стучи и в окно.

* * *

в темноте ты такой же.
помнишь серое небо, потухшую нить,
и дрожала, пока ждала.
забыла, пила воду, столик в пятнах: кто-то курил.
витый волос из лампы без света,
на подушке. об него расцарапала щеку.

тускло, сидели. я думаю, да.
чужой ногой зацепилась за край,
смеёшься? "потому что ночь густа".
слушай, ври, ври, но хотя бы с чувством:
слова промокли, не мог говорить.
засохшую каплю вина прикрыл платком —
стыдно тебе, а может, страшно, не знаю.

у меня ещё летучие тени вокруг головы,
это после полёта, укачало, кружились.
пошли в пожарный выход? нет, говоришь,
нет, нет, нет, я так не могу. это ты живи,
а меня вроде нету. пепел.

пойди вытряхни, но только не в пакет,
я посижу ещё. всё равно в темноте не увидишь,
как вчера жгли пни.
сливки на срубе, кремация,
когда пили, нет, спилили молочный сливняк.

***

от вина от вины и от слёз от-
делившись
в синее небо ходила рука
за твоей рукой, воз-
вра-
силой вернулся.

отделившись,
не плачет, не пьёт-не шьёт.

не говори им загадку,
и живи по прямой,
только думай руками-фигурами.

***

тронуты
солнцем
размытые леденцы,
входит в горло
колкий голос.

и шероховатый подол тонкого ила
теребит волна,
как дитя холку
спящего зверя.

в воздухе тянется
гулкое дно,
разноцветная флейта,
где, оступаясь,
чайка
подходит по льдине к воде.

в светлое небо восходит
ступенями
влажная песня,
открыты как голос
над мелкой волной не воды,
а песка,

тронуты чёрстым
морозом как шёлк
поющие губы
и тёмно-
еловая лапа.

V. АРТИШОК

[В кооперативном магазине "Дары природы" продавались солёные арбузы и варенье из грецких орехов. Мне нравилось и то, и другое. Я читала тогда вторую часть "Фауста". Может, с тех пор мне кажется, что природа – это странная кухня с добавлением чужих языков.]

***

дождь в пустыне
как луч в подземелье
голые дети водят зверей
лист уже ставший бумагой
всхлипом пускает ростки, и не буква,
а слово вылупляется из ракушки,
растит ноги, идёт в люди,
и руки его не черепок безымянный, а только глина в руках.

из зелёной бутылки доставший письмо
удивлённый прохожий
держит в ладонях листок смоковницы.

там, где пыль и песок
истощили друг друга, рассыпается в пепел ржавый сургуч из
бутылки.

***

где нырнул зимородок
встаёт из-под талой воды
наша суша.
здесь, на поднявшемся дне,
в илистый грунт погрузим руки.
то, что было размытым протоком,
будет поймой.
где трава зеленее травы.

***

вот текут дробы:
дерево, пена, ржавый, ворс, площадь, экран –
смотри без бумаги живут как не вещи –
заполняя лицо от ладони к ладони полотнищем трепещется глаз.

ты падал лицом о стекло но ты видишь теперь по-другому.
как те волны плескались в тебе а не в море ты плыл,
даже чёрная боль отделена чертой света?

гроб хрустальный стеклянный таз,
из которого вылили вместе с водою ребёнка.
в покрывало завернут сидишь и боишься воды словно известь.

нет не известь.
из горного шёлка асбеста сплела покрывало тебе,
не власяницу.
я не делила.

ПЕТЛЯ. 3. LOOP.

Дерево под окном это не просто акация, это лжеакация. По-русски белая, по-английски чёрная. Это к вопросу о расовых отношениях. Цветёт белым цветом, как поётся в песне, а ствол чёрный, и чёрными руками по ночам стучит в холодное стекло, как в поэзии.

Жёлтые тени от жалюзи царапают стену, как в чёрном кино.

А дерево под окном не распустится до позднего июня (когда меня уже не будет в этой квартире), и тем не менее – в нищей городской почве появилось нечто растущее, в форме зелёного мизинца, выставленного из земли в жесте не то скабрёжном, не то жизнеутверждающем. На самом деле, одно и то же. Зелёные попугаи (их зовут «монахами») чинят гнёзда и похотливо орут.

А тучи сгущаются. Нависает грядущий переезд, провалы в памяти, беспамятство и заботы. Когда-то было проще держаться за руку, поручень, край стола.

Вопросы изображают тоску. За что можно удержаться на берегу Мичи, в пору зелёных мизинцев, хорошо забытых детских воспоминаний, возвращающихся при прочтении прогноза погоды, прибитого к берегу в разбитой бутылке? Из-под неопознанного чилийского вина? За что удержаться на третьем этаже в ста метрах от прибоя, вид на озеро, сквозняк через два штормовых окна, одно штормовое застекление отсутствует?

Хозяин, сдавая квартиру, называл сквозняк бризом. Бриз в Чикаго понятие политическое. Может быть, купить «Капитал» Маркса, хорошо написанная книжка, которую никто не станет читать – чтобы держаться? Капитала у Маркса не было, будет ли у меня? За что можно удержаться, если не за лжедерево, которое не раскроет листьев до переезда, то есть момента перевёрнутой страницы?

Удивительно не то, что тяготение наступает в оторванности. Удивительно то, что тяготение не связано с идеей возврата. Да и куда возвращаться, если мир давно потерял всякий центр

сосредоточенности. Однажды в детстве я записала: "В самом центре рассредоточенности жил поэт". С тех пор в памяти образовалось такое количество новых дыр, прорех, краёв затёртых, швов надорванных, петель спущенных, заплат проношенных, что никакой латунью не залатаешь. Тем не менее, был "минеральный глазок буйка" на водохранилище, которое – тогда казалось – обладало вселенским водоизмещением. Однажды мой "минеральный глазок" разругали, и это было как олицетворение каких-то нелепых слов, трунить, пенять, роптать, сетовать и прекословить. Минеральность тоже осталась в памяти, зацепившись за буёк.

Это жидкое водохранилище называлось морем тогда. Теперь же, когда горизонт раздвинулся настолько, что от безбрежности края его изображают вогнутость – так оползает по краям вино в стакане, если налито не с горкой – этот водяной размах сократился до озера. До бокала вина.

Значит, то, что большие предметы бывают только в детстве, в возрасте же мельчают – значит, это объективный материализм, а не оптический обман?

Откуда мне было, например, знать, полоща в детстве горло отваром шалфея, который казался эмблемой горечи, что двадцать лет спустя я, хоть и по-прежнему не буду читать Дюма, но буду жарить себе шалфей в сливочном масле до хрупкости в качестве одомашненной приправы, а горечь перекочает в совсем другое воплощение? Откуда было знать, что деревья везде называются по-разному и растут по-другому, и хруст листьев хрусту листьев рознь? Откуда, откуда было знать, что такие разговоры – не для метро и не для телефона, и что телефон и метро сольются вместе в человеческих образах, говорящих в вагоне себе в кулак? Используя сотовый телефон, не задавайте, согласно инструкции, лишних вопросов, не напрашивайтесь на ответ.

***

чтобы не быть ангелом
мёдом и дёгтем
глаза, крылья, поры
закрой,

где раскрытая книга читает себя,
не сдвигаясь с развязки
о твёрдых перьях.

облако село,
стоглаво как город,
хочешь ступить –
а там сыро, и мнёшь в кулаке неумолимую клетку,
платок.

уместишь в узелке,
унесёшь
раскрытую ночь и одну сердцевину,
из которой ты будешь сеять и жать, сеять и жать.

***

в фиговый лист завёрнут лавровый,
мы в настое мочили отрезанный ломоть,
переделав не древесину не мучнистого червя
вылепленному пленному.

отпустили
из укуса надышавшихся серных людей.

и забравшись на ветви, засыпают, обратно вливаясь
в древесную четверть, и в корень, и в зуб, из
которого, как посеянный, как пожатый,
прорастает в дупло
забирая назад и геракла, и лист,
и лавровый,
и шерсть,

не руно – завиток (как завёрнут
лавровый в кленовый обратный морской)
завиток.

я плету,

это не локон и ухо,
это свёрнутый в точку
круглый хлеб.

***

под песком и перекрестьем жил древесных
и каменных где-то вечер и где-то под
журчаньем из
из развёрстых как окна сквозящих
почти вслух
ключей под словом "обороти"

шевелится зелёная гуща

и не пытай у соломины
где зарыта бензoмашина.
если кран свернуть вправо, будет пена,
влево струя. на осине повисла чужая пожарная каска.

вот ведро пота от пят твоих,
брось и оберег и чехол.
камень и корень не перелом,
не пожар, не срастутся

***

в сером небе катится
пожелтевшая машина
а ты сразу думать:
это вчера, сегодня – другое, давай выпьем.
нет. зачем тогда выносили
синее платье,
ветками дырки вязали, рвали последнее?
лучше будем ходить непохожими окнами,
стулья подковывать,
стены точить друг на друга.

***

затяни меня в зелень!
там колючки растут сквозь бутылки,
наливается тля над туннелем, в котором
поезд сгнил по вагон-ресторан.

и от пояса я отстегну артишок стеклоносный,
чтобы сеять репей в свете синих огней семафора.
ультразвуком попробую петь,
не будить мёртвых.

палочкой бесполостной коснусь тебя.
эту землю я ем и она меня ест,
зверь без входа и выхода, аварийный кустарник.

затяни меня в зелень, в ржавый старый корсет
здесь кончавшейся
долгое время
железной ежихи.

***

яблоки, двое, повисли
среди расщеплённой стены.
падать некуда: тяжесть пропала
в сердцевине скалы.
сквозь труху у проёма
рвётся, рвётся дичок.
обе ветки прогнулись от звука.

если полость тумана нежна,
то в неё упадём.

***

тяжёлое масло негретый мёд
в рот и кожу говоришь мне "на затылке", и в волосах уже пальцы

держу оробевшую гроздь
то ли ягоды то ли нешумные звери

упадут – разобьются? – тихо

"плечо" тепло "спина" теплее
катятся слипшись клубком
но скажи "ты – ладонь мне!"
разомну воск не смяв изворотливых бусин в руке
и маслиновый мёд
их лизнёт в губы

***

небо свернулось
неудобный дракон из вязких извилин
в них створженный дождь варятся облака

и густые надземные чаши
собирают в себя сок расплющенных капель уснувших деревьев

в самых низких слоях облаков лежит стог перешедшей листвы
в самых верхних белеет белее чем пепел пыльца не упавшей травы

в золотое драконово горло входит свет из моей электрической
лампы
и в густую надземную чашу кофейная гуща и кислый песок

не о кремень о крошево винного камня
о мелок неразбойное время ломает алмазную челюсть
если вместо горячих детей нас, вчера или завтра, тебя и меня, он
попробует съесть

***

помнишь как из горящего угля
в жиле текущей смолы
извивалась червями упрямая буква?
оставляла следы на дороге убитой камнями
злой серпантин и как зуб тридцать третий значок

в мякиш руды из давно пережжённой
корявой и жирной породы
поднимались звенящие осы.
да, во рту, да, в груди моей свили гнездо
мухи пчёлы и шершни, каракатицы плесень и вошь.
и когда мой проход их пугает теплом от горячей свечи
сквозь золотые врата вулканической башни
летит
как перо
человек

человек! человек улетает! держи вора!

держи вора, серебряный воздух
над сажёй разорванных саламандр и смотри
как я выдохну пламя свечи с восковыми крылами

***

она ест жемчужины, чёрная,
мой жемчуг
у тебя на груди
у тебя на запястье.
пусть ест.
когда свет из конца
приходит в начало
нам открыты все друзья.

***

в зелень.

где нам между деревьев,

мешаясь, цветы и плоды лягут в руки.

где вода будет пахнуть травой, не стеклом.

где твой тёплый кулак разожмётся

пятипалым тюльпаном. где меня не достанут лианы

водяных полулилий.

чтобы знать, как встаёт из-под веса примятая мята,

когда камень убрали с земли.

в зелень.

чтобы видеть не сталь а лазурь в твоих синих глазах.

***

синий.

синий как небо, как море, как волна того звука,
которым молчу, договорившись не петь
в разговоре с тобой.

синий – как молния, как озон –
запах. электричество в треске письма,
если читать у плохой лампы в полночь.

синий, спрятанный под языком и в колодце зрачка,
и вьётся как птица.

а я и не буду ловить! не птицеловом мне быть, не авгуром.
пусть птицы слушают рыб, рыбы – птиц.
как ты цел, так цел мой покой.

***

как дышать в светлый воздух легко
если помнишь византийский огонь и
сквозняк увязавший утро с закатом
красным сном словно долгим гудком.

как дышать в твои пальцы легко
и держать тяжело руку
чтобы не улететь не упасть и не бросить лицо.

ты не бросишься с грохотом в ночь
с увитого скользкими кольцами провода через весь толстый воздух

если в каждой горсти по упругому шарiku тьмы
удержишь и путь тебе ляжет прямее чем луч за спиной.

***

спустись, осторожно, легко,
через воздух пузырь
через глотку
в глубокую брешь, резкий воздух,

блеск и пыль и из дыма

вырыть ямку.
отмолчать вес истёртого лёгкого.
я.
и зарыть.

в ямовине
отхлестать дымный вой
семибога чернила излить
и улыбка в семь губ –

было ли невидаль

долго ли коротко

будет ли стало ли

– нет, меткий воздух,
земля.

неколыбельная

мехом отороченная
дождливая ночь
как кошка
в кривую погоду
сушится об сухое

нет, ты представь

кошка сушится об сухарь
мышь приходит за крошками, а там жижица
мышь тогда тоже намокает
и говорит: давай покажу тебе где амбары
а ты за это принеси мне сычуг

нет, я не так рассказываю

это были два сухаря
или двое проснувшихся
не людей – не зверей
на груди друг у друга

вставай, пойдём

***

брошенная повязка, поддельный стол
скелет хирурга, позвонки на завязках
в руку хоть плюй хоть не плюй: я такая перчатка,
что как в губке присоски искать –
ни дна, ни крышки, а только рука.

только рука знает где поливать, а где резать.
а ей бы всё резать и резать! о унылый садовник,
ты только думал, что ты вышивальщик по плоти.
то, что ты резал, был полый и звонкий бамбук,
а роза росла в сердцевине подводного крана,
ты не видел, как роза росла.

можно только руке
твоей
гулкие трубы
как чашу
увить

***

от стручка отлущившись
в земле
из каменистых пор
и икры кротов в красных штольнях

расщепившись на
перекладины в два хвоста
плётка фасоли
увивает тирезиев посох
и лицо дотянувшись –

остановить солнце? –

или не разделить два побега, но корзину
сплести из каменеющих змей.
и в неё собирать золотистые зёрна
из тёмных стручков
с тихим стуком
упавших на землю.

и от посоха тянется тень.

***

в коленной склянке звон ручья,
звон,
которого
не расслышать серебряным молотком
по золотой наковальне,

звон,
колени,
не расслышать

из червонного яблока настоящего лета.

так запутаны следы по ручьям,
что распухли суставы,
в которых

у прирученных деревьев растут ноги,
чтобы нести. а в колено холодного устья
хочет склониться вершина.
(ты так долго плутаешь ручьями –
это яблоки звон свой ковали.)

склониться вершина, где от звона стекло.

***

закрой глаза и смотри, как оранжевый лист
покрывают синие жилки –
несмещение огня.

не перед витриной, а перед решёткой
мы накормим голодную печень
печной темноты – не вином и не кровью,
не хищным клювом,
а белой, как выдох, бумагой.

чтобы было тепло
прятать руки в перчатку друг друга.

***

не светлее чем тень
как инжир завязавшись
– завязью внутрь,
сухой и бескрылой
и свернувшись на влажной изнанке
или точнее: с неточностью совпадения –
ты смотришь туда, приподняв над головой кисти,
и за зелёной ребристой стеной твоего неба
ты знаешь одно.

как бы он отвязался,
если в полночь вдруг чёрный колодец ума
у него распустился рукой из копыта –
как инжир завязавшись
или небо: тенью внутрь.

***

не светлей и не севернее
но тоньше и чётче
отслоившись от боли
лёгкая чечевица, на просвет
трепет в ней, как от капли в воде.

и ужасно держать на просвет
между большим
и указательным пальцем
освежёванной виноградины
малое сердце.

когда с каждого пальца
свисает как маятник мир.

VI. ДВАЖДЫ

ПЕТЛЯ. 4. LOOP.

Однажды это такое слово, которое можно повторять до бесконечности, как и прочие слова. Но однажды можно переступить черту. В глубине однажды вдруг прочерчивается "ждать". Ожидание однажды растягивается и выворачивает наизнанку двойную складку (а не ординарную, которой немцы зовут простоту), через которую и предлагается переступить. Надо ли уточнять, что так, "однажды", расступается вдруг невиданная прежде жизнь. А ведь "прежде" тоже включало в себя ожидание.

Выворачивается однажды.

Но пока мы живём в причинно-следственном мире – для односложности предположим, что там мы и живём – у всякого однажды есть своё вчера.

Причиной послужило вчерашнее раздвоение. Оказавшись перед необходимостью работать поздно ночью, вставать рано утром, я удвоила себе дозу кофе. Симметрия была соблюдена: вторая порция выпита через двенадцать часов после первой. С этой двойной порции и начало двоиться. Ночью явления приходили сплошь стереоскопические, с двойной нагрузкой: сон, явь. Утро притащило в себе двойной – не роковой, будничной, не вещавший судьбы – звонок, одновременно в дверь и в телефон. Оба – мимо цели. Неправильно набран номер, неправильно выбран зуммер. Этого ещё однажды не было.

Добротная дверь раскрывается без всякой помпы, как и следует. Но вместо лестничного предбанника открывается глазу обшитый дубом неф с деревянными скамьями; витражи в глубине; свечи в подсвечнике; какие-то расшитые золотом одежды; молчаливый орган; облачный столб пыли в явном мессианизме столба света; это церковь без людей. Позади – своя хорошая дверь, впереди – несвойственное.

И заиграл рояль.

Нет, я не пала на колени. Пошла дальше изучать эмпирическую, причинно-следственную реальность. И нашла, конечно, другую дверь. Оттуда уже шла лестница к лекции. А не в небо. Так прошло ещё сколько-то времени, во всяком случае, достаточно, чтобы однажды забыть. Но не тут-то было.

Иду в аптеку. В эту аптеку я хожу уже три года как. И там всегда работает только один старик, у которого только два настроения: хорошее и плохое. Старик – *повторяю* – работает всегда и один. Что, конечно, странно: как он может столько работать. Но однажды, то есть сегодня! Старик был вдвойне. Два старика. Одинаковые как близнецы, вплоть до голоса, вплоть до пробора. Вплоть, неразборчиво, до бородавки над губою. Так старика однажды стало двое. Они даже заговорили друг с другом.

– *Обслужишь, Кен?*

– *Обслужу, Дэн.*

Что делать? Я твёрдо знаю, верю, что нахожусь в эмпирической, а не какой другой, реальности. Первая мысль (близнецы!) не удалась: одинаковые халаты демонстрировали разные имена, Ken Donovan, Daniel Paul. Долли и Молли проскакали сквозь попытку эмпирики незрячим табуном. И они там до сих пор скачут, у вошедшего не в ту дверь я.

А моё собственное я, то есть просто я, уже сплю, потому что три часа спать для меня слишком мало, а выпитый на ночь кофе всегда рождает в мозгу лишнюю складку, из которой сыплются, как из прободения, как из однобокого рога избытия...

***

как мы смешивали.
разделяя: мёд, молоко, козлёнок, его матери.
как мы смешивали, зная и вкус, и раздел.
то, как мы смешивали, яд для того, кто не знает,
где вкус и раздел
и раздел.

как мы смешиваем.
разделяя: мёд, козлёнок, чаша, наша мера.
как мы смешиваем, яд для того, кто не знает
раздел
и безмерность меры.

научи меня нашей мере. научи нас уметь.

компас

*от обрыва до северной шубы,
меж козой и тавридой
на языке белладонны,
когда трижды, по-волчьи,
засквозили сосцы,
ты изжуй свою лиру
и перевари её
в однополюс магнит –
пусть ты пишешь
как во сне по ту сторону и по
эту,
и спишь, и не спишь.*

на каком корабле
уснуть ифигенией в гиперборее,
у забора проснуться
и гадать по руке, куда север?

***

из косых плетей –
теней голоса и огней темноты
и слепой от усталости –
немота плела косы,
носить-не сносить
корону из спутанных
не столько своих, сколько волос.
и пахать истошное, бородатое, полное дно.

между днём, меж макушками и краем света
крива борозда.
пряма борозда.
между вышками сивых ветвей косатые совы,
немота в норы. между них и полостей в земле,
где поёт корень,

из огнивом истёртых пыльных рук
протяни алый слепок огня:
я сдержу его дольше, чем слово.

***

как в тот раз, когда не я мне, не ты-ты,
не не-ты, не не-не-ты,
когда ты,
когда с третьей, с четвёртой попытки,
ты сказал "ты",
так коснулись теперь
моих, не немых, не ненемых,
мы
коснулись губами.

как – так,
так я знаю,
не что знаю
и не что не знаю,
что буду знать,
что всегда буду знать,
что всегда буду знать.

***

из одного корня
растут сосна и берёза.
в берёсту укутан смолистый комок
из густого подземного лета
и накрыт как от взгляда рукой.

тихий медленно жидкий в себе переливный янтарь.

**

как сетчатку в сетчатку
бросить не сеть в воду
бросить сеть в сеть
сеть в сеть
и в воду
в воздушную воду
над потоком над бумагой
не туман не трясина
астра двух не сплетённых
а прозрачных друг другу
солнечных плеск сплетений

***

так, как я тебя слышу, ты слышишь.
положи мне пальцы на рот
положу тебе пальцы на пальцы
и так говори,
слово в слово, а не чтобы брать или давать.
я стою, потому что теперь
время
когда ты учишь себя
не стоять и не ждать.

***

пущен –

сперва словно стрелка из лука,
потом арка за аркой,
из тёмной воды
по стволу твёрдой пальмы
плющ,
и зимой не без листьев.
по стволу золотой,
по стволу, по
ореховой слёзы
роняет, что не может заснуть
и с себя уронить сотню о-
сотню о-
рехов.

пущен

вместо чёрно-зелёных чернил из ореховой пальмы
ни листка,
ни листка,
сперва дух из ореха,
в конце
одинокий листок с отпечатком от камня
или твёрдых костяшек,
и знака,
нет знака.

VII.

***

знаешь, какого цвета
должен быть парус
чтобы не лопнуть в солнечном ветре?
из какой тишины я тяну этот шёлк,
у каких пауков отнимаю.
сколько дыр оставляю для лишних лучей.

чёрный парус приносит наживу,
красный – потомство.
в белый саван уткнувшись приходят враги и недолгие гости.
жёлтый бархат натянут над судном богатых больных.

я плету нам бесцветный как голое тело
частый словно секунды ресниц
и ничей как наш парусник парус.

ПЕТЛЯ. 5. LOOP.

Почему так, а не по-другому? Может быть, Лейбница почитать? Говорят, дети среднего дошкольного возраста задают много вопросов. "Почему трава зелёная?" Сын таких вопросов не задавал и продолжает не задавать. Почему бы? Это уже я спрашиваю.

На потолке крутится вентилятор. Беспокойные люди иногда верят шарлатанам. Шарлатаны иногда оказываются вентиляторами. Многие считают, что сказать можно вообще всё – это те, которые предпочитают один раз сделать, чем десять раз сказать.

А вот если сказать: представь, там идёт человек, а тут стоит, а потом они упали и жрали одуванчики, а в волосах ребёнка гнездится одноимённая фантастическая книга, в которой ты обо всём этом прочёл? Что? Это вопрос: почему так, а не по-другому? Как можно жить, не упёршись носом? Где оно, житие-бытие, не вижу, вижу пядь, запястье, успокоение, собачье усыпление, до свидания, где?

Бабушка Вера, неродная бабушка, за самолётами. Она жила в Средней Азии. Средняя Азия хрустела, как середина зелёной редьки и конверт, который мама вскрывала карандашом. Бабушка Вера привела меня за руку в эту сердцевину, в прохладный дом с толстыми стенами и розами в апреле, с горячими лепёшками вместо бутербродных ломтей. Она не смотрела на меня и держала руку не крепко и без боязни, и рука у неё была сухая и в складку, запутанная, не как у мамы. Я смотрела в пустой камин – камин! – и на бабушку, а она не смотрела, стояла прямо, не улыбалась.

Пядь, запястье. Покой.

Только не надо говорить мне, что это бессмысленно. А нет, более осмысленно такое вот, да? – Здравствуй, дорогая, я так давно тебе не писал. Это не значит, что я о тебе не вспоминал. Я пронёс память о тебе сквозь все эти годы. Твой образ был мне маяком в бурном море житейских невзгод. Сколько лет прошло, а я всё помню тот вечер, когда мы сидели на лавке в парке и пили пиво,

которое липло, оставляя круги на краске, которой были выкрашены скамейки. Дорогая, жива ли ты? Я благодарю Бога за нашу тогдашнюю встречу, и прошли годы, а я, тем не менее, и т.д., и т.д. Ну, хорошо, допустим, с пивом я мимо цели, но суть?

На потолке крутится вентилятор. Сын читает "Алису" и говорит, что нонсенс относится к повседневной жизни, как муха к котлете. Липнет. Товарищ по беспамятству признался, что перепутал книжку про феноменологию с огурцом. Он на самом деле имел в виду что-то другое наверняка, а я совершила героический поступок, купила кастрюлю, красную.

В Берлине знакомый изжил связь. Однажды так не захотел идти домой дальше изживать, что не пошёл, и не шёл, и не шёл целых три дня подряд. А она там сидела, как связанная, и не могла выйти, потому что у него была только одна связка ключей. Они жили в доме, где надо было ходить с ключом в отдельно встроенный туалет за закрытой дверью. Так что когда он потом всё же вернулся изживать, то нашёл в доме записку (ушла совсем) и кастрюльку, красную, полную говна.

Метафорика побеждает. А кто-то пьёт из двух бокалов вино и воду.

Кто-то третий пьёт из трёх. Некто, отрезанный ломоть, наблюдает в окно красный закат. Я тоже наблюдаю. Ребёнок, театрально: вы просто колода карт! И хорошо. Дочитал Алису, наконец-то. Пойду спать.

***

надо ли выходить,
если и так уронишь,
не глядя, если расколешь синий столбик воды.
вот стучат мостовую.

ты качаешь бессмысленной головой, ты лошадь,
осёл, не живой, нарисованный,
ты меряешь воздух спиной.

из воды получается, при смешении с чёрным –
пьёшь ли, воздух – картина.

нет, не ты: это я, только дважды,
и однажды я спутаю воду с огнём.
сколько раз может площадь порваться.
под камнями течёт голова.

***

под хлопковым деревом
спит моя вера,
не буди её бог
не буди её белое
не пряди волокно.

только тянутся
струны
через завтра, сегодня,
– прядь серебряный войлок.

прядь из белого света
покрывало с узором
где не видно лица,
где лицо, вера.

***

как к ладони ладонь
не перевести
через границу
трёх осей света
не сложить в одно две половины.

как в середине
ровно неполовину
лежит в себе дважды сплетённое сердце, камерный зачехлённый
квартет.

я не вижу кристальную мутную линзу
за границей зрачка – только синее небо, тёмный колодец и ровные
дни.

если есть середина, не сквозь рот и крестец растёт её хорда.
непрозрачная тень между яблочных половин
под опущенным веком, под опущенной веткой.

***

камни,
ощерились чёрными створками
прошлогодних ракушек,
в воде лежит,
из дна выбираясь, как дитя из утробы,
зелёная кисть
речной лилии.

на камнях,
из четвертей
полена сложу
сруб промокший, не для
сожжения и дыма,
а чтобы берёзовый дух
из мёртвого дерева
тронул треск под ногой
отдавшему долг
пустому дому моллюска.

камни, медленно
тянется кисть –
мои руки в талой воде у прибрежных камней –
и персты речной лилии
над бутылкой, поросшей
створками тёмных ракушек.

***

в загорелых руках
он держит
разноцветные камни
в белом бархате
в тёмной коробке
со звёздами по золотой сети
на замках, отворённых
не ключом, но мечом,
лик укрыт тенью
опущенных глаз.

и когда он берёт кисть
в левую руку,
а в правую руку
мерную ложку,
разноцветные камни
текут на полотна,
и во рты страждущих
светлой
целебной водой.

***

египетский бог-осьминог
держит в щупальцах
тени кораллов,
голубое сияние вокруг серой его головы
затуманено в тусклой воде,
и покров ската укрывает от солнца
бордовые струи:
так память
старше чем рифы струится
из-под гулкого сердца,
чей пульс – эон,
и молчание – землетрясение.

***

в затоки
под насыпью
плывут змеи,
на хвосте каждой – новость;
на глазах каждой – вечная пыль;

а потоки укрыты ветвями тонких деревьев,
где как улица – в разные стороны –
идёт, покачиваясь, одногорбый верблюд
и крутится колесо
велосипеда, под толстой шиной
змеится песок, и свисает ноша,
и будничным день над подземным потоком
скреплён змеиной слюной.

***

путник с собакой
взял за руку
и через мостки
над оврагом,
полным цветов,
и через чащу,
спутанный ветер в вершинах,
под деревьями – мягкие листья

и роса на кустах,
и путник с собакой,
за шляпой лицо,
по мосткам и где тропами, а где грязью
вывел к людям,
и им говорю, и слышат,
и их воздух – мой воздух.

***

палкой с крюком
рыболов тащит на берег
хромую посудину,
в ней запечатан
в промасленный холст
рисунок.
он ещё не умел из кремня сделать огниво,
из базальта – лопатки,
но уже знал, как пилить известняк
и на бумаге печатать отражения растений.

***

ПОД ПОДСОЛНЕЧНИКОМ
ТО ЕСТЬ, ДВАЖДЫ ПОД СОЛНЦЕМ —
ТАК МЫ ЖИВЫ

ТОЛЬКО ТОГДА СЕМЕНА ДОЗРЕВАЮТ
КОГДА СОЛНЦЕ ОБУГЛИТ ИХ КОЖУРУ,
ТВЁРДОЙ НОЧЬЮ ОТ СОЛНЦА УКРОЕТ
И УЖЕ НЕ МОЛОКО,
ИХ НАПОЛНИТ ТЁМНО-СВЕТЛОЕ МАСЛО.

ТОЛЬКО ТОГДА ПОДНИМИ МОЮ ГОЛОВУ К СВЕТУ
И ЛИЦОМ СЛОВНО ТЕНЬЮ УКРОЙ.